

Ритуальное число в средневековье целостно и завершено. Число в алхимии неряшливо, мозаично. Калейдоскоп чисел, возникающий от беспорядочных четырех арифметических действий над ними. Практически любое число скрывает легко распознаваемый признак сакральности. Произвол *кабалы*: перестановка слов, дробление слова на буквы, определение числового достоинства слова. *Число золота*, например, вроде бы ни с того ни с сего — 209, почитаемое, как и само золото, украшением минерального царства и соответствующее значению *Иеговы в мире духов*²⁷.

Любое оперирование над числом начинается с *единицы*. Неоплатоническое *Единое. Единица* — еще не число, но прародительница всех чисел. Если число в христианстве — пояснение мира как божественного образца, его, так сказать, математизированный комментарий, проверка алгеброй гармонии, то в алхимии алгеброй дисгармонически поверяется алгебра же. Число в алхимии поясняет не образец, но образ; точнее: формирует его. Именно поэтому число в алхимии рукотворно, не завершено обработкой²⁸.

Алхимическое число еретично, ибо не соответствует ни требованиям стехиометрических пропорций, ни практическому опыту. В этом его практическая, если хотите научная, слабость. Но в этом же его сила. Безграничность натурального ряда согласуется с безграничностью локальных символических миров в мозаической картине алхимического космоса. Возможно, здесь начало пути от математики калькуляторской к математике как эвристической форме точного знания.

Но только что вспыхнувшее ослепительным светом или абсолютной чернотой еретическое алхимическое число тут же гасится законным числом неалхимического средневековья. Оно камнеет, делаясь статичным по сравнению со своим освященным аналогом-образцом. Оно призвано описать алхимическую Вселенную, данную в форме трансмутации металлов. Числа навечно приколачиваются к цветам, цвета — к операциям, операции — к вещественному инвентарю. Вместо диалектики числа — догматика числа, как бы передразнивающая эту диалектику и потому куда более косная, нежели у *Плотина* (III в.) или *Августина*. Но зато вскрывает суть этой диалектики. Число выступает как символ, как окостеневшая метафора: *материя камня имеет три угла, три начала в субстанции; четыре угла, четыре элемента — в добродетели; два угла — устойчивость и летучесть — в материи; один угол, всемирную ма-*

²⁷ Есть и иной вывод числа золота: $(1 \times 2 \times 3 \times 4) \times (1 + 3 + 4) = 192$ (!) — поразительное почти совпадение: атомный вес золота 196. Неожиданный подарочек современным хемокультуристам. Или: послепарацельсовский хемокабалист *Пантей* считает, например, что, *поскольку Меркурий есть фе, золото — тау, а серебро — бет* (буквы древнееврейского алфавита), *то число творения 544, а число гниения 772 (ТС, 2, с. 459 и сл.)*.

²⁸ Я уже говорил в первой главе о тенденции к ослаблению синтетически целостной структуры рецептурного числа, а также о смехе *Рабле* по этому поводу. Но вновь отсылаю читателя к замечательной книге Бахтина.